

Михаил Габович

Elisabeth Gessat-Anstett. Une Atlantide russe : Anthropologie de la mémoire en Russie post-soviétique. Paris : La Découverte, 2007. 304 pp. ISBN 978-2-7071-5306-7.

Михаил Габович. Адрес для переписки: Mischa Gabowitsch, Einstein Forum, Am Neuen Markt 7, 14467 Potsdam, Германия. mischa.gabowitsch@einsteinforum.de.

В 1980–1990-е годы, в самый разгар «бума памяти» во франко- и англоязычных странах, научная литература об исторической памяти в СССР и России ограничивалась несколькими наименованиями. В то время как бурно развивалась устная история, основанная на интервью с представителями самых разных групп – от крестьян до столичных диссидентов, коммеморативные практики и роль памяти в общественном и частном пространстве становились предметом лишь немногих исследований. В основном это были книги историков – например, работы Нины Тумаркин, посвященные культуам Ленина и Великой Отечественной войны (Tumarkin 1983; 1994), книга Тамары Кондратьевой об аналогиях между большевиками и якобинцами (Kondratieva 1989), подробное описание перестроечных споров о прошлом, составленное Марией Ферретти (Ferretti 1993). Лишь к 2000-м годам волна исследований в этой области охватила и Россию, и за последнее десятилетие теме российской памяти было посвящено множество книг и статей представителей самых разных дисциплин. Многочисленные работы историков и демографов в первую очередь предлагают сравнение общенациональной памяти с исторической реальностью и попытки объяснить их расхождения, а также анализировать роль памяти в воспроизводстве групповой идентичности и функционировании политических институтов. Такой классический подход вполне оправдан; тем не менее, наиболее свежие работы принадлежат антропологам, среди которых можно назвать Жанну Кормину и Сергея Штыркова (2005), Маргарет Паксон (Paxson 2006) и Сергея Ушакина (Oushakin 2009). Их общей чертой стало изучение локальных сообществ и воспоминаний о семейном прошлом и личных утратах, на основе которых и делаются обобщения.

В этом же ряду стоит книга Элизабет Жесса-Анштетт *«Русская Атлантида. Антропология памяти в постсоветской России»*, посвященная памяти о городе Мологе, разрушенном, а затем затопленном при создании Рыбинского водохранилища в 1941 году. Это исследование памяти мологжан, переселенных в близлежащий Рыбинск и другие районы Ярославской области в преддверии затопления, и их потомков. Помимо многочисленных интервью и интереснейшим образом от-refлектированного включенного наблюдения, автор провела еще и серьезную архивную работу, что позволило ей противопоставить сегодняшним нарративам о «русской Атлантиде» собственную реконструкцию обстоятельств переселения и затопления, а также связать смерть и загробную жизнь этого города-призрака с судьбой заключенных Волголага.

Каждый из трех разделов книги представляет новый ракурс и позволяет связать память мологжан с общероссийской памятью. В первой части представлены

«акторы воспоминания». Особенную ценность здесь представляет анализ гендерных и поколенческих различий. Второй раздел книги посвящен «территориям памяти». Среди них – затопленные, а позже еще и зарытые (во избежание кражи в связи со снижением уровня воды) надгробные камни моложского кладбища. Среди них также улицы и памятники города Рыбинска, которые в силу своей «общесоветскости» не способны обеспечить эмоциональную привязку к новому месту жительства, и потому позволяют мологжанам жить утопическим прошлым утраченного города. В отличие от интересующих Пьера Нора «мест», сознательно наделяемых коммеморативным смыслом, понятие «территории памяти», используемое автором, апеллирует к пространственным рамкам памяти – и к городским пространствам, в которых проигрываются сценарии памяти сегодня, и к пропавшим местам, к которым привязано коллективное забвение. Третий раздел посвящен мемориальным практикам: деятельности моложского землячества, музеификации, экспедициям к затопленным местам.

На фоне общего потока «мемориологической» литературы последних лет книга Жесса-Анштетт выгодно выделяется целым рядом черт: это и пристальное внимание к гендерным особенностям мемориального дискурса, и тонкий анализ разных уровней мемориальных практик. Исследование коллективной памяти мологжан не ограничивается контрастом между частной искренностью и следованием заданному нарративу в публичном пространстве – такое разделение хорошо знакомо, например, по сочинениям школьников-участников конкурсов «Мемориала» (см., например: Пути следования 2011; Цена победы 2005). Будучи специалистом по структурам фольклора и систем родства (Gesat-Anstett 2004), Жесса-Анштетт чутка к влиянию общекультурных жанров и кодов и роли узнаваемых персонажей в частных рассказах. Например, ее интересуют мужчины-«родоначальники» – святые, строители и творческие люди, имена которых структурируют нарратив о моложской идентичности. Напротив, в ее книге почти не фигурируют абстрактно-коллективные субъекты коммеморации – государство и церковь, отсылка к которым во многих текстах на подобные темы заменяет эмпирическое исследование. Коллективное и публичное здесь расслаивается на несколько уровней: одно дело – общение внутри моложского землячества, другое – представление памяти о Мологе широкой аудитории, третье – отношения «простых» мологжан с архивистами и краеведами.

Таким образом, работа Жесса-Анштетт – один из лучших образцов новых исследований российской памяти, и потому на ее примере я хочу обратить внимание на одну из общих тенденций этой литературы. Всю ее населяют призраки и покойники. В случае Жесса-Анштетт это умершие «плохой смертью» – самоубийцы, утопленники, «белые» и «красные», но главным образом – узники ГУЛАГа и другие жертвы репрессий. В отличие от живых мологжан и достойно ушедших «великих мужей», которые структурируют публичную коллективную память этого сообщества, пропавшие в лагерях являются фигурами забвения. О них мологжане, как и другие исследуемые в подобных работах сообщества, предпочитают молчать. Исследователи же, наоборот, интересуются ими в первую очередь.

Террор и репрессии, оставаясь непроговоренными, требуют внимания к себе, и память о них замещается чем-то другим. Это «другое», в терминологии Зигмунда Фрейда, – «покрывающие воспоминания» (*Deckerinnerungen*), отвлекающие от собственно травматического опыта. Исследователь, в отличие от исследуемых, должен быть способен нащупать истинный источник боли. А назвав его, он вправе и даже обязан предъявлять своим субъектам претензии когнитивного, а главным образом – этического плана.

Задача исследователей в таком случае – не только понять, какую роль память о прошлом играет в жизни исследуемых, но и помочь направить ее в правильное русло. Если мы не сделаем этого, то воды «плохой» памяти не иссохнут, а, накаливаясь, прорвут все дамбы и наводнят сегодняшнюю жизнь так же, как они утопили «русскую Атлантиду». Книга Жесса-Анштетт содержит имплицитный призыв к антропологам исследовать современные следы эпохи лагерей, к представителям исследуемого сообщества – принять позицию коллективной ответственности за события прошлого, и, наконец, к государству и гражданскому обществу – способствовать созданию «мест памяти» о ГУЛАГе.

Материком, утопшим в водах и в воспоминаниях, на самом деле оказывается территория лагерей. Именно память о пространстве ГУЛАГа, похоже, растворилась в извилинах воспоминаний постсоветской России. Не этот ли концентрационный архипелаг, состоящий из тысяч мест интернирования, и о котором до сих пор не возникло легитимных социальной, музейной или даже мифической памяти, – и есть настоящая русская Атлантида? (282)

Стоит, однако, задаться вопросом: исчерпывается ли инструментарий исследователя памяти описанием ее различных проявлений, с одной стороны, и критикой неадекватности этих проявлений – с другой?

На протяжении известной нам европейской истории нормой считалось забвение и сознательное замалчивание ужасов прошлого (Meier 2010); сегодня маятник качнулся в обратную сторону, и считается, что наша задача – не допустить забвения. С этой целью пишутся призывы и манифесты, с этой целью историки, социологи и этнографы задают своим информантам настойчивые вопросы, становясь со-творцами памяти, а зачастую и судьями. Не обязывает ли это нас занять праведную, но малопродуктивную позицию диссидента, обвиняющего во всех бедах органы государственной власти и критикующего сограждан за то, что они позволяют государству отвлечь себя от истинной проблемы: в данном случае – необходимости помнить не только о своем семейном горе, но и о преступном прошлом всей страны?

Канализационные работы, отвод грозных вод стали элементами нашей профессиональной этики. И тем не менее, в работе исследователей памяти должно найтись место и для другого – изучения тех, зачастую вполне уважительных, причин, по которым люди отказываются выстраивать свою память в соответствии с рамками, представляющимися нам единственно правильными в этическом отношении. Принимать исследуемых всерьез – профессиональный долг исследователя, не менее важный, чем критический анализ их слов и действий.

Книга Элизабет Жесса-Анштетт ценна в том числе и тем, что позволяет нам продвинуться на пути к соединению этих двух подходов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кормина, Жанна и Сергей Штырков. 2005. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* / отв. ред. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение. С. 222–261.
- Пути следования. 2011. *Пути следования: российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века*. М.: Мемориал; Новое издательство.
- Цена Победы. 2005. *Цена Победы: Российские школьники о войне*. М.: Мемориал; Новое издательство.
- Ferretti, Maria. 1993. *La memoria mutilata: la Russia ricorda*. Milano: Corbaccio.
- Gessat-Anstett, Elisabeth. 2004. *Liens de parenté en Russie post-soviétique*. Paris: L'Harmattan.
- Kondratieva, Tamara. 1989. *Bolcheviks et Jacobins: itinéraire des analogies*. Paris: Payot.
- Meier, Christian. 2010. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München: Siedler.
- Oushakine, Serguei. 2009. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Paxson, Margaret. 2006. *Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Bloomington; Indiana: Indiana University Press.
- Tumarkin, Nina. 1983. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tumarkin, Nina. 1994. *The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.